

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2023.76.36.032

Жалость как эстетическая форма проявления любви**Сорокин Константин Алексеевич**

Студент,
Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: konstantin.sorokin1@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы крайности в феномене «любовь» и ее проявления в жалости к ближнему. Исследование основано на анализе литературных героях Ф.М. Достоевского (Мармеладов) и В.В. Ерофеева (Митрич). Проявление любви как жалости рассмотрено на примере следующих произведений: диалог Платона «Пир», Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», В.В. Ерофеев «Москва – Петушки». Пограничные состояния, в которых находятся вышеупомянутые герои, связанные с проявлением любви-жалости человека к ближнему, можно рассматривать как необходимость взаимопонимания и принятия другого. С помощью литературных образов сделана попытка показать природу явления, которое называется «любовь». В контексте исследования литературных персонажей нами была сделана попытка показать сценарный характер переживаний как деятельную помощь страдающему через проявление любви, антиномичность переживания (расценивание объектом проявлений жалости как знак симпатии и/или как намерение его унижить и др.); амбивалентность жалости (связь с любовью и отвращением); признаки, отражающие связь с идеями правды и справедливости. Посредством исследования ассоциативных связей феноменов любви и жалости мы установили состав лексико-семантической парадигмы, передающей в русской литературе идею жалости через любовь, наделяя ее тем самым статусом моральной ценности.

Для цитирования в научных исследованиях

Сорокин К.А. Жалость как эстетическая форма проявления любви // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 356-362. DOI: 10.34670/AR.2023.76.36.032

Ключевые слова

Эрот, любовь, жалость, страсть, понимание, сострадание, этика, культура, антропология.

Введение

В русской литературе, на примерно одном уровне «социального дна», можно встретить персонажи с разным мироощущением. Сатин Барону говорит о человеке как существе, которое не требует жалости: «Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью» [Горький, 2003? 39]. Не унижать человека жалостью это тот взгляд взаимоотношений, которые видит М. Горький в отношениях между друг другом. Цель статьи на примере двух литературных персонажей, таких, как Мармеладов (Ф.М. Достоевский) и Митрич (В. Ерофеев), выявить другое понимание слова «жалость» как предельной формы любви по отношению человека к человеку.

Для дальнейшего исследования, полагаем, необходимо выявить этимологическое значение слова жалость и глагола «жалеть», а также их взаимосвязь со словом любовь.

Основная часть

В «Этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского: «жалость – общеславянское слово, суффиксально образованное от утраченного прилагательного «жалъ». Данное прилагательное выступало производящей основой и для существительного «жалъ», также утраченного, глагола «жалеть» и прилагательного жалкий» [Шанский, 1994, 83-84]. По мнению Л.А. Калимулиной, существительное жалость в своей основе имеет метафорическое преобразование «болевое ощущение – эмоция» [Калимуллина, 2006, 22]. Одним из важнейших моментов можно рассматривать преобразование слова как переход от физической к психической семантике. При этом образуя лексико-семантическое поле эмоции в целом. П.Е. Клобуков пишет: «модификация лексических значений по модели «физиологическое ощущение» – «внутреннее состояние». Данная тенденция, по-видимому, обусловлена универсальным принципом семантических преобразований «от конкретного к абстрактному». «Лексическое значение слов, отражающих эмоции, возникает путем семантического развития от конкретных физических процессов к абстрактным внутренним» [Клобуков, 1998, 121]. В литературных текстах можно встретить как с течением времени физиологическое ощущение боли, страданий обобщается до психического переживания горя, печали, скорби: др.-русск. жалъ «горе, печаль» [Шанский, 1994, 84]. Психическое чувство жалости со временем может перерасти в своеобразное чувство любви. Ю.С. Степанов, анализируя внутреннюю форму слов «любить» и «любовь», замечает, что «в народном быту вместо “люблю” говорят “жалею”» [Степанов, 1997, 281]. Здесь главным образом на первый план выходит ценностное понимание слов жалеть и любить. Для примера можно рассмотреть данные понятия в этическом аспекте таких как общечеловеческая любовь, милосердие – жалость. Чтобы понять сущность персонажей Достоевского и Ерофеева, нужно, по нашему мнению, рассмотреть проблему «любовь как жалость» и уже затем продолжить исследование на примере художественных текстов.

В истории философской антропологии не так много текстов, в которых можно выявить определение феномену любви. Один из таких текстов в его развернутом представлении об этом явлении дает, на наш взгляд, «Платоновский миф», связанный с беседой Сократа и Диатимы в диалоге «Пир». Сократ беседует с Диатимой о том, что же такое Эрот. Диатима с уверенностью говорит Сократу, что Эрот есть демон, который занимает срединное место между Божественным и человеческим: «Демон великий, Сократ; ведь все „демоническое“ занимает

середину между божеством и смертным <...> божество не входит в соприкосновение с человеком; все общение и все переговоры богов с людьми – и когда они бодрствуют, и когда они спят – происходят чрез демонов. И муж мудрый во всем этом – муж „демонический"» (Пир, 203а). Эрот имеет свою природу, которая проявляется в различных состояниях и о которой далее повествует Диатима: «Когда родилась Афродита, устроили боги пир; в числе их был и сын Метиды, Порос. После обеда пришла просить милостыню, как это бывает на пирах, Пеня, и стала у дверей. Порос, упившийся нектаром – вина тогда еще не было – вышел в сад Зевса и, отяжелев от выпитого, заснул. Пеня, замислив по своей беспомощности, прижать ребенка от Пороса, легла возле него и зачала Эрота. Вот почему Эрот и стал спутником и слугою Афродиты» (Пир, 203 б). Сын Пороса и Пении стал слугой прекрасного. Эти обстоятельства и определили дальнейшую судьбу Эрота. С одной стороны он беден, грязен, неприютен как его мать, с другой стороны как сын Пороса он полон замыслов, мужественен и смел. Двойная природа Эрота проявляется в любовных отношениях с разных сторон и в разных ипостасях. При первом рассмотрении можно увидеть противопоставление Пороса и Пении. Пеня олицетворение бедности также как Порос олицетворение богатства. С.А. Жебелев в примечаниях к тексту пишет: «Такому пониманию вряд ли препятствует первоначальное значение слова *πόρος*, „путь, переправа, проезд", вообще возможность перейти из одного места в другое чрез посредство чего-либо. В переносном смысле *πόρος*, по аналогии с *άλορία*, значит средство достигнуть чего-либо, выйти из затруднительного положения. Чтобы стать богатым (не только в смысле материального богатства), нужны известные средства, изобретательность и находчивость в отыскании таких средств. Таким образом, Порос – олицетворение изобилия, являющегося в результате применения известных средств; он – активное начало, в противоположность Пении, начала пассивного. Недаром Порос – сын Метиды (*Μήτις*), олицетворения разума (*νοῦς*), мудрого совета (*ἰούλη*)» [Жебелев, с. 81]. Свое представление о мифе дает немецкий философ Э. Целлер: «В Эроте объединяются противоположные свойства, потому что и в любви объединяются две стороны нашей природы. Эрот — сын Пороса и Пении, ибо любовь рождается, с одной стороны, из недостатка, с другой — из ее свойств, дающих ей возможность восполнить эти недостатки». Исходя из выше сказанного, проявление любви как жалости есть одно из пограничных состояний, до которых может прийти человек. Это приобщение к бессмертию и та доля, которая дана смертному человеку. «Первая любовь или последняя жалость – какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость» [Ерофеев, 1970, 55].

Как пишет в своих стихах поэт Сергей Стратановский:

«И Эрос реющий в канале
И ночь разверзлась и светла
Когда влюбленные тела
Еще бессмертья не узнали
Но тени их слились в канале
И веет Эрос над землей
Он легкий бог, всегда ребенок
Всегда ликуя и резвясь
То вдруг как воздух чист и тонок
Земных вещей живая связь
Но есть тела, но есть создання

Разъединенные навек
И тщетно Эрос мирозданья
Зовет ущербный человек
И тень его ища слиянья
Любимой тени не найдет» [Стратановский, 1993, 3].

Что ищет герой Достоевского Мармеладов? «Молодой человек, – продолжал он, восклоняясь опять, – в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, я прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам. Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставляю хочу перед сими празднующими, которым и без того все известно, а чувствительного и образованного человека ищу» [Достоевский, 2008, 13]. Мармеладов ищет того, кто сможет его, жалея, принять таким как он есть. Жалость, так же как сочувствие, для человека могут стать ключевыми ориентирами для морального просветления или спасения. Спасение как для Раскольникова, так и для Мармеладова. Проявление жалости можно описать как личностное начало человека. Любовь, проявленная через жалость как для одного, так и для другого персонажа можно описать акт добра и милосердия. Как пишет Л.А. Колобаева, «выстраивание межличностных отношений, основанных на взаимопонимании и взаимоподдержке, сопряжено с отказом от шаблонности поведения. определяемой духовной инертностью и внутренней несамостоятельностью человека. Основной мерой ценности личности, таким образом, оказывается способность понять и оценить другого [Колобаева, 1990, 44].

Мармеладов продолжает: «Жаль вам теперь меня, сударь, аль нет? Говорите, сударь, жаль али нет? Хе-хе-хе-хе! Он хотел было налить, но уже нечего было. Полуштоф был пустой. – Да чего тебя жалеть-то? – крикнул хозяин, очутившийся опять подле них. Раздался смех и даже ругательства. Смеялись и ругались слушавшие и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру отставного чиновника. – Жалеть! зачем меня жалеть! – вдруг возопил Мармеладов, вставая с протянутой вперед рукой, в решительном вдохновении, как будто только и ждал этих слов. – Зачем жалеть, говоришь ты? Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его!» [Достоевский, 2008, 14]. Достоевский описывает жалость как одно из качеств человеколюбия. Мармеладов просит любви, которая для него проявилась не через человеческую жалость и сострадания, а через Божественную: «а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия. И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных...» [там же, 14]. Бог сможет всех простить и все понять, то, что не дано сделать человеку. Человек ограничен и только в моменте он может прикоснуться к трансцендентному через демона Эроса, который принесет любовь. «И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!” И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: “Господи! почто сих приемлеш?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...” И прострет к нам руке свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем!.. и все поймут...» [там же, с. 14]. У Достоевского в отличии от Горького человек нуждается в жалости как в одной из форм любви. Пусть это форма крайняя, но тем она и ценней. В жалости есть прекрасное т. к. это одно из проявлений Эроса. «Эрот то, что любимо, а не то, что любит. Поэтому-то, полагаю я, Эрот и представлялся тебе прекрасным.

Ведь достойное любви, по существу своему, прекрасно, нежно, совершенно, блаженно» [Платон, 2000].

Своеобразную параллель Мармеладову мы можем найти в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». «Умаленный» герой по имени Митрич, так же, как и Мармеладов, в поиске того, кто сможет его понять и пожалеть, так же, как и он жалеет председателя из своего рассказа. «Дедушка начал рассказывать: – Председатель у нас был... Лоэнгрин его звали, строгий такой... и весь в чирьях... и каждый вечер на моторной лодке катался. Сядет в лодку и по речке плывет... плывет и чирья из себя выдавливает... Из глаз рассказчика вытекала влага, и он был взволнован: – А покатается он на лодке... придет к себе в правление, ляжет на пол... и тут уже к нему не подступись – молчит и молчит. А если скажешь ему слово поперек – отвернется он в угол и заплачет... стоит и плачет, и пысает на пол, как маленький... Дедушка вдруг умолк. Губы его искривились, синий нос его вспыхнул и погас. Он плакал! Плакал, как женщина, охватив руками голову, плечи его так и ходили ходуном, так и ходили, как волны» [Ерофеев, 1970, 55]. Нелепая история дедушки Митрича на первый взгляд не имеет отношение к Эроту. Рассказ до крайности глупый и совершенно на отвлеченную тему, при этом дедушка сам плачет навзрыд и не может остановиться. Как и в случае с Мармеладовым, раздается безобразный смех толпы, «вагон содрогнулся от хохота. Все смеялись, безобразно и радостно» [там же, 55]. И в этот момент есть тот, кто сможет понять слезы Митрича и пожалеть его. «А я сидел и понимал старого Митрича, понимал его слезы: ему просто все и всех было жалко: жалко председателя, за то, что ему дали такую позорную кличку, и стенку, которую он обмочил, и лодку, и чирьи – все жалко... Первая любовь или последняя жалость – какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость, а зубоскальства Он нам не заповедовал. Жалость и любовь к миру – едины. Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву. И ко плоду всякого чрева – жалость. – Давай, папаша, – сказал я ему, – давай я угощу тебя, ты заслужил! ты хорошо рассказал про любовь!...» [там же, 55]. Этой фразой Венечка отвечает Сатину на его горделивого человека, который не требует жалости. Как замечает Ольга Седакова: «Прежде всего, это пространственная антитеза: любви – восхождению ко все более всеобщему и вечному противопоставлен евангельский кенозис, еще и вызывающе заостренный: жалость к чирьям, к праху, к самому низкому, глупому, смертному, безобразному. Жалкость, нелепость, смертность и безобразие и суть «Мойры и Илифии» этой Первой Любви. «Ведь предмет любви в самом деле и прекрасен, и нежен, и полон совершенства, и достоин зависти» [Платон, 2000]. Ничего более противоположного мочащемуся, в чирьях председателю Лоэнгрину, предмету первой любви – последней жалости, придумать нельзя. Не красота, а безобразие как уязвимость – вот в отношении к чему, по Венечке, проверяется сердце мудреца – и художника. «Эстетика безобразного», с которой привычно связывают письмо Ерофеева, обоснована этически».

Человеку требуется уголок, место, где его могли бы пожалеть. Как пишет об этом Вен. Ерофеев, «никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! – всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам. «Всеобщее малодушие» – да ведь это спасение от всех бед, это панацея, это предикат величайшего совершенства!» [Ерофеев, 1970, 13]. Об этом говорит и Достоевский: «И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлещи?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» [Достоевский, 2008, 14]. Смех толпы над Мармеладовым и Митричем можно расценивать как осуждение. Общее для этих двух фрагментов – смех или хохот «смеялись, безобразно и радостно», «смеялись и ругались слушавшие и не слушавшие, так». Смех толпы есть злоба и сладострастие. Оба монолога

обладают высокой этической экспрессией, несмотря на сниженную, казалось бы, никак не располагающую к этому, окружающую обстановку (вагон поезда и распивочная). И в данном случае это не карнавальная смех, который описывал Рабле, это смех недобрый, с «чертовщиной». В русской смех стоит рядом со словом грех, «Где смех, там и грех», Митрич, как и Мармеладов, говоря при всех, словно на публичной исповеди, которая сопровождается смехом для большинства и страданием для тех, кто принял их.

Любовь-жалость, как эмоциональное переживание, представляет определенное психическое явление, которое имеет целый комплекс характеристик, отражающих его экспликацию в свете этических норм.

Заключение

В контексте исследования литературных персонажей нами была сделана попытка показать сценарный характер переживаний как деятельную помощь страдающему через проявление любви, антиномичность переживания (расценивание объектом проявлений жалости как знак симпатии и/или как намерение его унижить и др.); амбивалентность жалости (связь с любовью и отвращением); признаки, отражающие связь с идеями правды и справедливости. Посредством исследования ассоциативных связей феноменов любви и жалости мы установили состав лексико-семантической парадигмы, передающей в русской литературе идею жалости через любовь, наделяя ее тем самым статусом моральной ценности.

Библиография

1. Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве: Сборник. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 616 с.
2. Горький А.М. На дне. М.: Астрель, АСТ, 2003. С. 39.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2008. 680 с.
4. Ерофеев В.В. Москва – Петушки. М.: Азбука-Аттикус, 1970, 2015. 416 с.
5. Калимуллина Л.А. Диахронический аспект семантической деривации (на материале эмотивной лексики древнерусского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5. С. 21-28.
6. Клобуков П.Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) // Язык, сознание, коммуникация. 1998. Вып. 4. С. 110-123.
7. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М., 1990. 336 с.
8. Платон. Пир. М., 2000. 633 с.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Стратановский С. Стихи. СПб.: Новая литература, 1993. С. 128.
11. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

Pity as an aesthetic form phenomenon of love

Konstantin A. Sorokin

Graduate Student,
Ural Institute of Humanities,
Ural Federal University,
620002, 19, Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: konstantin.sorokin1@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the problem of extremes in the phenomenon of "Love" and its manifestation in pity for one's neighbor. The study is based on the example of the literary heroes of F.M. Dostoevsky (Marmeladov) and V.V. Yerofeyev (Mitrich). The manifestation of love as pity is considered on the example of the following works: Plato's dialogue "Feast", F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment", V.V. Yerofeyev "Moscow – Petushki". The borderline states in which the above-mentioned heroes are associated with the manifestation of human love-pity for one's neighbor can be considered as the need for mutual understanding and acceptance of the other. With the help of literary images, an attempt will be made to show the nature of the phenomenon called "love". In the context of the study of literary characters, we made an attempt to show the scenario nature of experiences as an active help to the suffering person through the manifestation of love, the antinomy of the experience (regarding the manifestations of pity by the object as a sign of sympathy and / or as an intention to humiliate him, etc.); ambivalence of pity (connection with love and disgust); signs reflecting the connection with the ideas of truth and justice. Through the study of the associative links between the phenomena of love and pity, we have established the composition of the lexical-semantic paradigm that conveys the idea of pity through love in Russian literature, thereby endowing it with the status of a moral value.

For citation

Sorokin K.A. (2023) Zhalost' kak esteticheskaya forma proyavleniya lyubvi [Pity as an aesthetic form phenomenon of love]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 356-362. DOI: 10.34670/AR.2023.76.36.032

Keywords

Eros, love, pity, passion, understanding, compassion.

References

1. Dostoevskii F.M. (2008) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow.
2. Erofeev V.V. (1970) *Moskva – Petushki* [Moscow – Petushki]. Moscow: Azbuka-Attikus Publ.
3. Gor'kii A.M. (2003) *Na dne* [At the bottom]. Moscow: Astrel', AST Publ.
4. Kalimullina L.A. (2006) Diakhronicheskiy aspekt semanticheskoi derivatsii (na materiale emotivnoi leksiki drevnerusskogo yazyka) [Diachronic aspect of semantic derivation (based on the emotive vocabulary of the Old Russian language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 5, pp. 21-28.
5. Klobukov P.E. (1998) Emotsii, soznanie, kul'tura (osobnosti otrazheniya emotsii v yazyke) [Emotions, consciousness, culture (features of the reflection of emotions in the language)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], 4, pp. 110-123.
6. Kolobaeva L.A. (1990) *Kontseptsiya lichnosti v russkoi literature rubezha XIX-XX vv.* [The concept of personality in Russian literature at the turn of the 19th-20th centuries]. Moscow.
7. Plato (2000) *Pir* [Feast]. Moscow.
8. Shanskii N.M. (1994) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Prozerpina Publ.
9. Stepanov Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture: Research experience]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.
10. Stratanovskii S. (1993) *Stikhi* [Verses]. St. Petersburg: Novaya literature Publ.
11. (2022) *Venedikt Erofeev i o Venedikte Erofeev: Sbornik* [Venedikt Erofeev and about Venedikt Erofeev: Collection]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.